

● СЧАСТЛИВЫЙ БРАК

Известия - 2000 - 28 июля - с. 11.

Антоний и Клеопатра в современных декорациях

Он — обаятельный, высокий, стильный, остроумный блондин, к тому же латыш. Понятное дело, мечта каждой женщины. Она — так и тянет написать: толстая, глупая и некрасивая, — но она красивая, умная и талантливая.

Анна КОВАЛЕВА

Они оба были актерами. Оба имели другие семьи. Оба ушли из театра и сделали карьеру: она — ведущая «Вестей» Ирина Палей, он — руководитель телевизионного отдела одной из крупнейших английских фирм Андрис Лиелайс. У них потрясающие отношения, двое детей, они, страшно сказать, любят друг друга до сих пор. Плядя на эту идеальную семью, с трудом удерживаясь от зависти: так и хочется влезть и спросить, как им это удалось. Потому что были все условия, чтобы так не случилось: одна на двоих и такая нервная профессия, разные национальные уклады, наконец, те самые другие семьи, из которых так трудно уходить...

— Как вы познакомились?

Ирина: В Москве, на кинофестивале. Я тогда училась в ГИТИСе, а Андрис во ВГИКе. Во время кинофестивалей актерские факультеты посылали своих смазливых студентов преподавать «звездам» цветочки. В первый же день он подошел ко мне «походкой барса» и сказал: «Поехали к тебе». А я ответила: «Неохота». Он удивился, что надо ухаживать, и уехал в Ригу жениться. А я пошла домой к мужу.

Андрис: Потом меня Табаков позвал к ним на курс репетировать Антония, а Ира соответственно была Клеопатрой — и тут уж я своего не упустил. В общем, через полгода пришлось разводиться самою и вырывать Ирку из стальных объятий ее «прочного брака». Все это заняло достаточно времени, и мы поженились за две недели до рождения старшего сына Андриса.

— Два актера в одной семье — не многовато? Кто с дитятей сидел?

И.: Кто оставался дома, тот и сидел. Когда я уезжала сниматься, он, как кенгуру, ходил с мелким на свои съемки, на озвучку... А второй ребенок, Янис, родился уже в телевизионный период.



Ира на работе...

— А почему вы оба бросили театр?

И.: У меня никогда не было так — «увидеть театр и умереть!» Когда Андрис в Риге снимал кино и я видела, как отчаянно артистки добиваются ролей, поняла: это не мой жанр. А потом, до ГИТИСа я еще окончила философский факультет МГУ. Так что мне было чем заняться... Иногда думаю, если бы пришла на телевидение лет на десять раньше, было бы больше толку. А так — самая дерзкая часть жизни прошла как бы понарошку...

А.: Понимаешь, артист — очень женская профессия. И с какого-то момента меня стало

раздражать в ней все: грим, чужой текст, а главное — зависимость. Не хочу чувствовать себя как девушка с Тверской — «выберут — не выберут». Предпочитаю выбирать сам.

— Как вы друг друга на съемках отпускали, зная актерские нравы?

А.: Видишь ли, можно и по дороге за молоком об актерском нраве вспомнить, если есть большое желание.

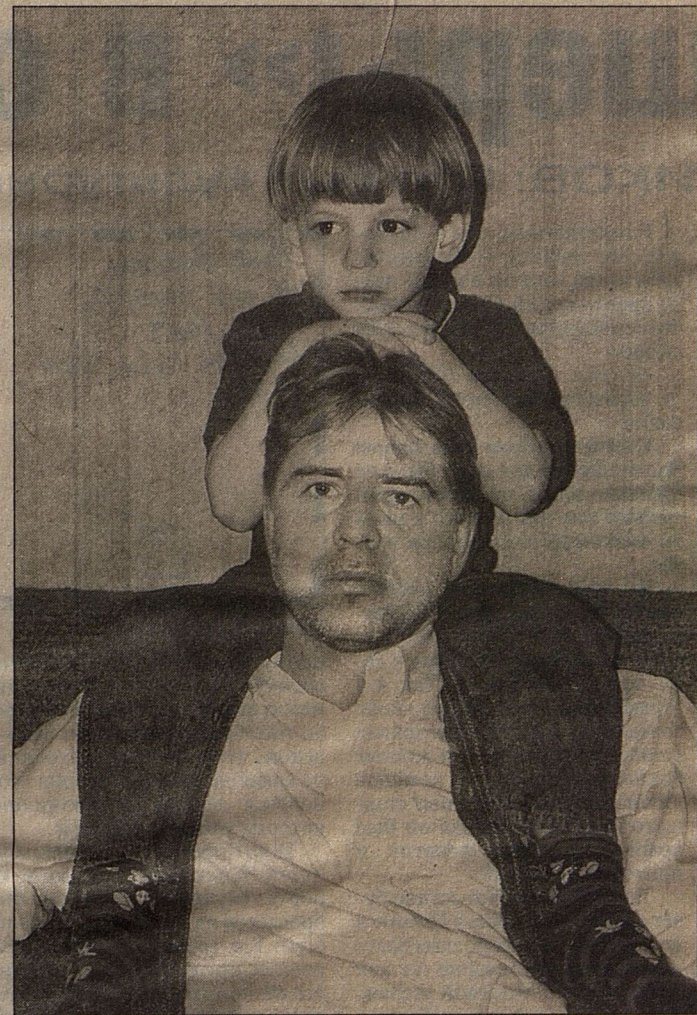
— Вы сейчас занимаетесь абсолютно разным делом, но ведь семья держится на общих интересах.

А.: Наши общие интересы — это наши дети. Поверь, это очень много.

И.: Если выходишь замуж за дантиста, необязательно и самой рвать зубы населению. Меня абсолютно не волнуют последние разработки в области рекламы кошачьего корма, а Андрис идет покурить, когда я с коллегами обсуждаю подачу сюжета. Конечно, я иногда прохожусь по его «тете Асе», а он меня с подругой (она ведет новости на другом канале) называет «комиссаршами, проводящими политинформацию».

— Межнациональные конфликты вас не беспокоят?

И.: Андрис — латыш, швед и поляк в одном флаконе. Я спокойно отношусь ко всему этому. У меня, кстати, тоже мешанина. Когда-то мои титулованные



...а Андрис дома

предки имели порочную страсть к мезальянсам. Из-за чего в свое время потеряли право на престол. Один мой прапрапрадедушка князь влегкую родил ребенка от девушки из черты оседлости. Но я всегда была примерной пионеркой, и в моем первом дипломе написано: «преподаватель марксизма-ленинизма», так что ко всем этим матримониальным историям отношусь с известной долей юмора.

— Но все же ты оставила свою фамилию — Палей.

И.: Она легко пишется и легко запоминается.

А.: В паспорте у нее моя фамилия. А вообще дома мы с сыновьями говорим только по-латышски. Дети к этому относятся как к частному семейному делу.

С мамой говорят по-русски.

И.: Это естественная защитная реакция маленького народа. Это нас много, может быть, в этом наша проблема, что нам не жалко: миллион сограждан туда, миллион — сюда. А там все по-другому... На Рождество мы обязательно ездим в Ригу, летом — в Юрмалу. По воскресеньям дети ходят в гуманитарную латышскую школу при посольстве.

Между прочим, однажды мы с детьми выходили после занятий, там стояла толпа скандирующих идиотов и стала швырять в нас шпротными банками. Маленькой девочке, у которой, кстати, тоже русская мама, разбили бровь. Всем этим бойцам можно только посоветовать посмотреть фильм «Ширли-мырли». Другого качества кино до них все рав-

но не дойдет, а вот на их языке им попытались что-то объяснить. У нас нормальная семья: мы проходим через те же рифы, что и все остальные. Есть и очень хорошее, и очень плохое. Конечно, первое время были какие-то, мягко говоря, несовпадения. Как москвичи покупают продукты? Батоном и килограммами. А бабушка моего мужа каждое утро спускалась и покупала к завтраку 50 граммов сыра, 50 граммов ветчины и одну булочку... Когда я приехала в Ригу первый раз и притащила с рынка две сумки продуктов, их чуть удар не хватил. Там в таких количествах на свадьбу закупают...

А.: Да уж, моя теща буханку хлеба аккуратно режет на три куса.

И.: Его мама всегда под кофейные чашки подкладывает льняную вышитую салфеточку. И у нас на кухне — льняные скатерти.

— Чистые?

И.: Ну как тебе сказать... Первые полчаса.

А.: У нас хорошая стиральная машина.

И.: Видишь, скорее нужно говорить о мужском шовинизме. Я прихожу после выпуска в два часа ночи, он ждет меня, как Пенелопа, не спит и тут же говорит: «Поставь чайку». Типичный русский муж, а ты говоришь — межнациональные конфликты.

— Ира, Андрис еще и красивый муж. Трудно?

И.: Иметь красивого мужа не труднее, чем некрасивого. Все одинаковые.